

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению аксиологических аспектов мировоззренческих трансформаций, сопровождающих становление информационного общества. Исследуются интерпретация динамики ценностей, обусловленная возрастающими темпами информатизации, и связанная с этим процессом виртуализация общества. Автор обращает внимание также на тенденции виртуализации общества, способствующие формированию информационного сознания, изменяющего аксиологические приоритеты в мировоззрении.

Ключевые слова: информационное общество, аксиологические приоритеты, ценности, мировоззренческие изменения, виртуализация общества.

Abstract. The article considers aspects of ideological axiological transformations that accompany the formation of information society. The author studies the dynamics of interpretation of values, due to increasing rate of information, and the related process of virtualization of society. The author also draws attention to trends of virtualization of society, contributing to the formation of information consciousness that changes axiological priorities in the world outlook.

Key words: information society, axiological priorities, values, world outlook changes, virtualization of society.

Ускорение темпов развития техники, создание новых интеллектуальных технологий ознаменовали переход общества к новой эпохе, в связи с чем в философский дискурс убедительно вошли понятия «информация» и «информационное общество». Наряду с материей и энергией, информация, превращаясь в важнейший глобальный ресурс человечества, стала рассматриваться как одна из трех несводимых друг к другу составляющих окружающего мира. Новая информационная среда устремила к формированию определенных мировоззренческих и аксиологических приоритетов, в соответствии с которыми изменяются и воспроизводятся социальные характеристики информационного общества. Из имманентного ему оперирования идеями, образами, интеллектом, знаниями возник исследовательский интерес к изучению символических реальностей. Актуализировался также вопрос о влиянии подобных реальностей на сознание человека, как индивидуальное, так и общественное, а кроме того, формирование его персональной картины мира, его индивидуального мировоззрения. В связи с этим появляется возможность интерпретации динамики ценностей, сопровождающей мировоззренческие трансформации.

Аксиологическая проблематика, раскрывая ценностное отношение человека к миру, обладает огромной значимостью для понимания сущности и мировоззрения человека, а характер ценностей определяется направленностью общественных отношений и самоидентификации личности [1, с. 289–294]. Проблема ценностей всегда актуальна в переходные периоды развития социума. Происходящие сегодня аксиологические трансформации можно интерпретировать как многомерные и разнопорядковые, ибо в своей основе они имеют традиционные установки. Вследствие этого осознание и осмысление мировоззренческих изменений включает «переоценку ценностей», которая

может как принимать вид прогрессивного отрицания основ предшествующего общественного устройства, так и выражаться в новых формах воплощения прошлых аксиологических парадигм [2, с. 135–137].

Кардинальные перемены в отношении человека к миру определяют тенденции перемещения внимания субъекта с духовной, интеллектуальной сферы на материальную, телесно-вещную, трансформации культа знания и просвещения в культ удовольствия и естественности, освобождения от стремления к идеалу в пользу прагматизма и утилитаризма, подмены творчества потреблением, жизни – игрой, реальных отношений – виртуальными [3, с. 22]. В случае, когда акцент смещен в сторону трансформации старых ценностных приоритетов, аксиологические эффекты информатизации включают осознание таких основополагающих принципов коммуникации, как свобода, ответственность, права человека; перспективы «согласования» нормативно-ценностного многообразия современного общества связываются с принципами справедливости, гуманности и толерантности [4].

Рассматривая процессы становления информационного общества, философы все чаще отмечают, что неизбежное проникновение информации и знания во все сферы человеческого бытия несет за собой существенные мировоззренческие трансформации, поскольку увеличение информационных потоков обуславливает качество жизни и социальные изменения. Однако большинство ученых анализировали эти процессы односторонне, выделяя в них либо социальную, либо политическую, либо экономическую основу. Так, ведущий идеолог «постиндустриального общества» Д. Белл отвел центральную роль в своей концепции возрастанию количества и значения информации и знаний. Проблематика новой социальной роли информации, а также ее влияния на процесс мировоззренческих трансформаций в целом была интегрирована в новый теоретический контекст в рамках разработанной им концепции постиндустриального общества. Белл сосредоточил свое внимание на реальных изменениях, связанных с переходом к постиндустриальному обществу, которое «укрепляет роль науки и знания как основной институциональной ценности общества... вызывает к жизни набор ограничителей традиционных определений интеллектуальных интересов и ценностей... поднимает серьезнейший вопрос отношения технического интеллекта к гуманитарному собранию» [5, с. 57].

А. Тоффлер определяет информационное общество как цивилизацию, в основе развития и существования которой лежит особая нематериальная субстанция, условно именуемая «информацией», обладающая свойствами взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека [6, с. 30–43]. Последнее свойство особенно важно для понимания сущности нового общества, ибо, с одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, а с другой, служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека другому. В наступившем тысячелетии идея информационного общества все более выдвигается в качестве универсальной идеологии в условиях глобализации и нарастания комплекса мировоззренческих проблем, аксиологических приоритетов и роста потребностей людей.

Еще одной характеристикой информационного общества является создание новых коммуникационных форм, отличительной особенностью кото-

рых является необходимость создания образа партнера по коммуникации и правил взаимодействия с ним. Все произошедшие изменения привели к тому, что теоретики информационного сообщества фактически отождествляют процессы развития коммуникации и развития социальных структур. Благодаря этому существенно изменялся базисный параметр оценки информационного социума: не только информация, но и коммуникация оказывается его смысловой и ценностной основой.

Традиционная философия трактовала отношения по поводу информации как субъект-объектные, что характерно для развития общества с преобладанием материального производства. Здесь основное внимание уделялось информации о природной и технической реальности. В постиндустриальном обществе, характеризующемся доминированием сферы услуг, отношения по поводу информации сводятся прежде всего к субъект-субъектным отношениям. На этом этапе информационная реальность становится все более важной для социальной реальности. В информационном обществе, где преобладает производство информации, социальная философия выявляет доминирование полисубъектных (сетевых) отношений. Полисубъектность информационного общества определяется сетевыми структурами одновременного обмена информацией между множеством различных взаимодействующих субъектов. Вследствие этого формируется метаинформационная реальность второго порядка. Исходя из этого, информационное общество можно считать социальной формой, зарождающейся в постиндустриальной фазе развития цивилизации, характеризующейся доминированием полисубъектных (сетевых) отношений.

С сетевым принципом также связаны гибкость и изменчивость информационного общества. При внедрении ряда научно-технических, социальных и культурных программ заметно возрастает комфортность человеческого существования, но возникают и негативные проявления как на глобальном, так и на индивидуальном уровне. Желание обладать материальными и социальными благами, формирующее внешнюю среду социума, ведет к стагнации внутренней духовной сферы, обуславливает приземленность, агрессивность интересов, погрязание в потребительстве, вещизме; самость расщепляется от переизбытка информации и коммуникаций, возникает ощущение неустойчивости, неуспевания за переменами, разбрасывания сил, потери приоритетной ориентации.

Многие представители социальной философии фокусируют внимание на тех трудностях и рисках, с которыми сталкивается современный человек, беспокоясь более всего об оскудении его внутреннего мира, уменьшении в нем доли духовности. Ю. Рюриков пишет, что над человечеством нависают три дамкловых меча: атомная смерть, экологическая катастрофа и «меч эгоизации людей, их духовного вырождения... пожалуй, самый страшный» [7, с. 44]. В. В. Афанасьева считает, человек сейчас находится в западне перепотребления, наносящего вред «человеческой телесности, человеческой ментальности, человеческой личности, человеку в целом. Перепотребление пищи и бытовых продуктов приводит к болезням тела, перепотребление информации и коммуникаций – к болезням души» [8, с. 131].

В. Н. Игнатов подчеркивает, что на ментальность человека постоянно воздействуют рекламные акции и другие раздражители, заставляющие направлять мысли в разные, иногда противоположные стороны, что порождает

ет синдром «разорванного сознания. Его субъект утрачивает внутренний духовный стержень, теряет точку опоры, которая могла бы одновременно служить ему и точкой отсчета, критерием оценки драматических событий кризисной эпохи» [9, с. 304]. А. В. Яловенко, развивая данную мысль, делает интересное заявление, что рассматриваемый антропофеномен сегодня получает название «человек-ризом» – это человек, лишенный центра личности, «распавшийся субъект» [10, с. 37–41]. Ускоренное развитие техногенной цивилизации делает весьма сложной проблему социализации и формирования личности. Постоянно меняющийся мир обрывает многие корни, традиции, заставляя человека одновременно жить в разных традициях, в разных культурах, приспосабливаться к разным, постоянно обновляющимся обстоятельствам. Связи человека делаются спорадическими, они, с одной стороны, стягивают всех индивидов в единое человечество, а с другой – изолируют, атомизируют людей.

Практически все приведенные авторы сходятся в том, что деградация человека не останавливается, и этот процесс может все интенсивнее набирать обороты. Отсюда возникают проблемы: человек, многое имея в материальном плане, не может достичь внутренней гармонии, умиротворенности, согласия с самим собой. Одной из причин подобного положения дел является то, что жизнь у человека одна и силы его организма не беспредельны. Поэтому ему редко удастся одинаково активно действовать по многим и различным в своем содержании направлениям и достигать при этом повсюду ожидаемого результата. Принято считать, чем меньше кто-то разбрасывается в своих целях, мыслях, контактах, тем более значимых успехов он достигает. Наличие свободы воли помогает человеку сделать выбор: или уделять внимание своему внутреннему миру, развитию духовности, или основные силы направлять во внешнюю среду, чтобы достигнуть обладания материальными и социальными благами, столь активно предлагаемыми ему в использование информационной цивилизацией. Для человека теперь становится характерной погруженность в мир «вещный», мысли его вращаются вокруг темы приобретения товаров, укрепления финансовой состоятельности. А вот акты трансценденции, метафизического воспарения к высшим идеалам и нравственным ценностям исчезают из человеческого бытия. Не случайно Ю. Хабермас называет современную эпоху «постметафизической» [11, с. 15].

Впрочем, сокращение времени и энергии, выделяемых на рефлекссию, самопознание, объясняется не только сосредоточенностью на чисто практических моментах бытия. Причиной этого может быть и то, что человек оказывается в принципе не способным сконцентрироваться на самом себе и отвлекается от решения важных мировоззренческих задач средствами, им же самим создаваемыми или приобретаемыми для увеличения комфортности существования. Он становится все более прагматичным и все менее эмоциональным, он устремлен в погоню за информацией, материальными ценностями. Это создает состояние душевного дискомфорта, потерю индивидуальности и снижение общекультурного уровня личности, более того, дегуманизация труда и манипуляции людьми влекут за собой многие негативные формы поведения человека – озлобленность, агрессивность, конфликтность и т.п. Пассивное потребление информации, причем в цифровом виде, все больше вытесняет активные формы досуга, творчества, познания, формирует жесткость мышления, лишает людей непосредственного общения друг с другом.

Сужение персонального пространства, отчуждение от живой природы вызывает невольное стремление к упрощению картины мира, боязнь принятия решений, страх ответственности.

Превращение в последние десятилетия XX в. социальной реальности в нестабильную, фрагментарную, эклектичную из-за усиления информационных потоков явно коррелирует с возрастанием в жизни людей роли различного рода симулякров – образов реальности, замещающих саму реальность. В исторической системе симулякров, рассмотренной Ж. Бодрийяром, господствующим типом нынешней фазы развития социума становится «симуляция», опирающаяся на «структурный закон ценности», а потребление освобождается от его привычного значения как «процесса удовлетворения потребностей», наоборот, сам процесс производства и потребления активно формирует потребности [12, р. 85]. Потребление, как считает Ж. Бодрийяр, отнюдь не является пассивным состоянием поглощения и присвоения, противостоящим состоянию производства, но выступает как активный модус отношения – и «не только к вещам, но и... ко всему миру», именно в нем «осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия... на нем зиждется вся система нашей культуры». Современный человек выступает как активная личность, проявляющая свои особые, индивидуальные качества в процессе потребления.

Понятие «потребление» же Бодрийяр сужает до деятельности систематического манипулирования знаками, но не воспринимает как материальный процесс. Содержание вещи, степень ее полезности определяется не потребительской стоимостью, достаточно универсальной, а его высокоиндивидуализированной символической ценностью. Вещи в такой системе отношений не могут быть сравнимы друг с другом по признаку эквивалентности, более того, ценность каждой отдельной вещи не является закрепленной, но произвольно устанавливается в рамках индивидуальной системы потребностей.

Исследуя этот аспект, философы разграничили потребности человека на социально опосредованные (нуждаюсь), где индивид выступает как член социума и демонстрирует социально значимое поведение, и индивидуально опосредованные (хочу), определяемые исключительно субъективными устремлениями к собственной реализации в потреблении. Удовлетворение индивидуально опосредованных потребностей сопровождается возникновением новых ценностей – сердечности, доверительности, искренности, обаяния личности. Этот процесс индивидуализации личности проявляет себя в желании человека быть самим собой, выступать в качестве «оператора», имеющего возможность свободного выбора и комбинаций, быть отличным от других индивидов и поведением, и вкусами, освободиться от предписываемых обществом ролей и социальных правил, нести ответственность за свою жизнь и оптимальным образом распоряжаться своим эстетическим, эмоциональным, физическим, чувственным и т.д. опытом, т.е. быть самостоятельной личностью. Интенсификация подобного стремления может привести к чрезмерному, крайнему индивидуализму и выступать в качестве смысложизненной позиции человека в информационной мировоззренческой парадигме.

Упадок реальности, описанный Бодрийяром, означает, что вместо «старой» реальности возникает «новая». В результате развешествления общество приобретает черты, описание которых дает возможность использовать поня-

тие виртуальной реальности, в которую погружается человек информационного общества. Он начинает воспринимать мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Различение старого и нового типов социальной организации с помощью дихотомии «реальное – виртуальное» позволяет ввести понятие виртуализации как процесса замещения институционализированных практик симуляциями [13, с. 76]. Таким образом, термин «виртуализация» не только оказывается адекватным феноменам, описываемым как информатизация и развеществление, но даже предстает как более эвристичное, чем два последних концепта, поскольку открывает перспективу концептуализации не «конца» или «исчезновения» прежнего общества, а процесса формирования нового, из чего можно предположить, что виртуализируется не только социум, но и порожденная им личность [13, с. 139].

Средства массовой коммуникации (как отражение, проводник информации) на уровне виртуальной реальности стали воспроизводить сложные структуры и порядки и влиять на мир объективной реальности, не только отражая, но и конструируя его по своему усмотрению. Они повсеместно погружают человека не в объективную информацию, т.е. в независимые по содержанию от желания и воли людей связи и отношения, а в виртуальную реальность, в виртуальные объективированные связи и отношения [14, с. 373–377], в виртуальную информацию, представляющую собой «вторичную информацию» – опредмеченные материализованные человеческие знания, ценности, идеалы, интересы и т.д. В этих виртуальных объективных связях и отношениях имеется иное – новое, во многом нами еще не понятое звучание (понятие, содержание) и целей, и идеалов, и обязанностей, и справедливости и т.д. других субъективных проявлений. В принципе, общество информационных коммуникаций – это прорыв человека в область во многом для нас неизвестного, но уже и сейчас очевидно – во многом и опасного. Появление коммуникаций создало немало возможностей для информационно-познавательного развития человека, но вместе с тем электронные коммуникации именно этой «вторичной» виртуальной информацией сковывают разум человека. Он, как справедливо отмечает В. А. Кутырев, может (стремится) замыкаться в горизонте виртуальной реальности и с трудом ее покидает, вплоть до сумасшествия [15, с. 23]. В этом смысле виртуальная реальность втягивает человека в мир иллюзорной информации и реальности, в которой он ищет спасения, но которая таит в себе опасность, чреватую стойкой зависимостью. Но опасность погружения в такую реальность еще и в том, что в такой ситуации человек не стремится к осмыслению потоков информации, которые часто не имеют ценностной наполненности, глубокого анализа и не требуют от него сделать сознательный информационный выбор с социоаксиологической точки зрения. Это, в свою очередь, обуславливает и виртуальное (иллюзорное по содержанию) поведение субъекта – активность без возможности ответственности за принятое решение.

Отмечается рост утилитаризма, при котором возникает новый виртуальный уровень потребностей и мотивации, где возникают потребности-симулякры и мотивы-симулякры. Это потребности в определенном имидже, во владении знаками и символами, во влиянии на имидж других людей. Бесспорно, симулякры, или виртуальные объекты, в различных ипостасях всегда присутствовали в индивидуальной и социальной жизни, но только сегодня

они становятся неотъемлемыми характеристиками, во многом определяющими образ информационного общества, которое и создало технические возможности для активизации ресурсов, до сих пор остававшихся незадействованными в рамках предшествующей социокультурной парадигмы. Кроме этого, столь бурное развитие VR-технологий вызвано реальными потребностями в переходе от актуальных к виртуальным способам передачи и освоения информации, увеличивающийся объем которой можно воспринимать как числовые ряды, текст, образы, голос, музыку, но все эти формы актуальны по своей сути, т.е. исключают возможность интерактивного взаимодействия. Виртуально построенные объекты воспринимаются человеком в более «живой» форме, чем объекты актуальные, отгороженные ригидными рамками своей данности и завершенности. Во многом это связано с тем, что виртуальная реальность строится по принципу «обратной связи», что позволяет осуществить максимальное вхождение человека в информационное пространство.

Итак, суммируя сказанное, отметим, что причиной виртуализации информационного общества является объективная потребность в переходе информационных технологий на новый качественный уровень, а также имманентная человеку ценностно наполненная потребность в творчестве, в создании новой реальности, таких миров, по отношению к которым он являлся бы создателем.

Подобные деятельностные интенции, базирующиеся на виртуализации информации, определяют ее ценностную рефлексию и отбор с позиций человекомерности. Говоря о структурных составляющих общества, следует отметить, что общество – это прежде всего люди, каждый человек в отдельности, которого всегда интересовал и будет интересовать он сам. На протяжении всей истории существования человечества все поиски истины, попытки осмыслить мировоззренческие и ценностные ориентации – это стремление понять, что такое «счастье». Для каждого человека оно свое, но так или иначе это счастье связано с наличием в жизни человека того, что для него ценно, значимо. Для того чтобы человек мог самоопределился в обществе, быть счастливым, ему необходимы внутренние критерии, т.е. система ценностей. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и философии жизни [16, с. 153].

Таким образом, информационное общество – это общество, в котором происходят интенсивные мировоззренческие трансформации, где главными ценностями становятся информация и связанные с нею симулякризация и виртуализация, стимулирующие изменения аксиологических приоритетов, взаимоотношения и коммуникации людей. При этом сама ценность человеческой личности снижается за счет превалирования аспектов утилитарности и прагматичности как в контактах, так и в той информации, которой человек обладает.

Список литературы

1. **Гасилин, В. Н.** Система ценностей и идентификация человека / В. Н. Гасилин // Человек в современных философских концепциях : материалы Третьей международной конференции. – Волгоград. 2004.

2. **Белов, А. П.** Мироззрение и образ жизни: социально-философские проблемы / А. П. Белов ; под ред. проф. В. Н. Гасилина. – Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2006.
3. **Баева, Л. В.** Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей / Л. В. Баева. – Астрахань : Астраханский университет, 2008.
4. **Рахманкулова, Н. Ф.** Новые-старые ценности человека информационной эпохи / Н. Ф. Рахманкулова // Информационная эпоха: проблема ценностей : сб. науч. работ. – М. : АМИ, 2007.
5. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999.
6. **Тоффлер, Э.** На пороге будущего / Э. Тоффлер // «Американская модель» с будущим в конфликте. – М., 1984.
7. **Рюриков, Ю.** Какие сверхреволюции спасут нас / Ю. Рюриков // Учительская газета. – 1991. – № 37.
8. **Афанасьева, В. В.** Перепотребление / В. В. Афанасьева // Человек в перспективах цивилизационного развития : сб. научных статей. – Саратов, 2009.
9. **Игнатов, В. Н.** Социально-философские концепции постсовременности / В. Н. Игнатов // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития : моногр. / А. М. Амагов, Т. С. Батракова, Т. А. Бахор и др. ; под общ. ред. проф. О. И. Кирикова. – Воронеж, 2009.
10. **Яловенко, А. В.** Самоопределение в ситуациях постмодерна / А. В. Яловенко // Вестник Воронежского государственного технического университета. Сер. Гуманитарные науки. – Воронеж, 2002. – Вып. 9.1.
11. **Хабермас, Ю.** Будущее человеческой природы. На пути к глобальной евгенике? / Ю. Хабермас. – М., 2002.
12. **Baudrillard, J.** Simulacra and Simulation / J. Baudrillard. – University of Michigan Press, 1994.
13. **Иванов, Д. В.** Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002.
14. **Никитин, Л. Н.** Виртуальность – этап или тупик ноосферы? / Л. Н. Никитин // Творческое наследие В. И. Вернадского и современность : сб. трудов международной конференции (г. Донецк, 10–12 апреля 2001 г.). – Донецк : Донбасс, 2001.
15. **Кутырев, В. А.** Оправдание бытия / В. А. Кутырев // Вопросы философии. – 2000. – № 5.
16. Практическая психодиагностика: методики и тесты : учеб. пособие / под ред. Д. Я. Райгородского. – Самара : БАХРАХ, 1998.

Ситкевич Наталья Вячеславовна
старший преподаватель, кафедра
истории, философии и культурологии,
Новомосковский институт Российского
химико-технологического университета
им. Д. И. Менделеева

E-mail: nsitkevich@yandex.ru

Sitkevich Natalya Vyacheslavovna
Senior lecturer, sub-department of history
philosophy and culture science,
Novomoskovsk Institute of Russian
University of Chemistry and Technology
named after D. I. Mendeleev

УДК 1/14

Ситкевич, Н. В.

Аксиологический срез изменений мироззрения в информационном обществе / Н. В. Ситкевич // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3 (19). – С. 43–50.